

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658_2023_2_16_16
EDN MIFUBE

**Региональное управление в Восточной Азии
в условиях «нового ритуального порядка» (新礼治秩序). Часть 2**

Чжан Цзэмин

Аспирант, университет Цинхуа, КНР, г. Пекин
zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Аннотация. Во второй части исследования продолжено обсуждение новых перспектив регионального управления в Восточной Азии на основании «нового ритуального порядка». В статье характеризуются основные аспекты нового порядка регионального управления в контексте региональной культурной политики, выявляются стержневые компоненты в региональном культурном управлении: «ядерные страны» как доминирующие государства в культурной сфере в определённом регионе, не только имеющие культурную модель, способную привлечь другие страны к активному изучению и подражанию, но и продвигающие свою собственную культуру на периферию, и «узловые страны»: группы стран в культурном регионе, которых привлекает и вдохновляет культурный престиж ядерной страны и которые сознательно учатся и подражают культурным образцам ядерной страны; даются их подробные характеристики и функции в региональном культурном управлении. Особое внимание уделяется характеристике понятия «礼尚往来» (lǐshàngwǎnglái, буквальный перевод «отвечать на любезность следует любезностью», «в вежливости (этикете) ценится взаимность»), которое как нельзя более точно определяет сущность нового регионального управления, дух и смысл «взаимного этикета» – это принцип справедливого и разумного баланса в отдаче и получении, требующий равенства во взаимодействии и декларирующий взаимное уважение между двумя сторонами, что в конечном итоге указывают на идеализированный социальный порядок, который является универсальным, прочным и гармоничным. Автор приходит к выводу, что китайская концепция «lǐshàngwǎnglái» является традиционной китайской идеей международного регионального управления с китайской спецификой и важной идеологической основой для построения сообщества человеческой судьбы, поскольку она способствует установлению нового типа международных отношений.

Ключевые слова: региональное управление; новый ритуальный порядок; культурное управление; Восточная Азия; Азиатско-Тихоокеанский регион; ядерные страны; узловыe страны

Для цитирования: Чжан Цзэмин Региональное управление в Восточной Азии в условиях «нового ритуального порядка» (新礼治秩序). Часть 2. 2023. № 2 (16). С. 16-26. http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_16. <https://elibrary.ru/MIFUBE>.

Original article

Regional governance in East Asia under the “new ritual order”(新礼治秩序). Part 2

Zhang Zeming

Postgraduate student, Tsinghua university, PRC, Beijing

zzm22@mails.tsinghua.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-6692-544X>

Abstract. The second part of the research continues the discussion of new perspectives on regional governance in East Asia on the basis of the “new ritual order”. The article describes the main aspects of the new regional governance order in the context of regional cultural policy and identifies the core components in the regional cultural governance: “nuclear countries” which are dominant states in the cultural sphere of a particular region, not only having a cultural model capable of attracting other countries to active study and imitation, but also promoting their own culture to the periphery, and “hub countries” which are groups of countries in a cultural region, attracted and inspired by the cultural prestige of a nuclear country and consciously learn and follow its cultural patterns. The detailed characteristics of these countries and their functions in regional cultural governance are described in the article. Particular attention is paid to characterizing the concept of 礼尚往来 (lǐshàngwǎnglái, literal translation “courtesy should be replied with courtesy”, “reciprocity is valued in politeness (etiquette)”) which defines as precisely as possible the essence of the new regional governance, the spirit and meaning of “reciprocal etiquette” – the principle of a fair and reasonable balance in giving and receiving, requiring equality in interaction and declaring mutual respect between the two parties, which ultimately points to an idealized social order that is universal, durable and harmonious. The author concludes that the Chinese concept of “lǐshàngwǎnglái” is the traditional Chinese idea of international regional governance with Chinese specificity as well as an important ideological basis for building a community of human destiny, since it contributes to establishing a new type of international relations.

Keywords: regional governance; new ritual order; cultural governance; East Asia; Asian-Pacific region; nuclear countries; hub countries

For citation: Zhang Zeming Regional governance in East Asia under the “new ritual order”(新礼治秩序). Part 2. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 2(16):16-26. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_2023_2_16_16. <https://elibrary.ru/MIFUBE>.

Введение

В первой части нашего исследования мы начали обсуждение текущих проблем и задач, стоящих перед региональным управлением в Восточной Азии, а также особенностей и новых перспектив регионального управления в Восточной Азии на основании «нового ритуального порядка» в регионе Восточной Азии в контексте культурного управления. Мы констатировали, что в современных условиях глобализации и регионализации совместное управление региональными общественными процессами в Восточной Азии становится все более актуальным и важным, затрагивая такие проблемы, как вопросы взаимной выгоды в торговле, управление окружающей средой, координация регионального рыболовства, кризисное управление спорами о территориальных правах, развитие и совместное использование ресурсов, а также создание механизмов регионального сотрудничества в области безопасности. Мы отметили, что проблемы, стоящие перед региональным управлением в Восточной Азии, а также особенности и пути регионального управления в Восточной Азии, неоднократно становились предметом исследования китайских политологов [白云真, 贾启辰, 2013; 陈康令, 2015; 郭延军, 2010; 郇庆治, 2007; 李博一, 2020; 李丹, 董琴, 2021; 刘琳, 2021; 刘卿, 2007; 卢国学, 2007; 梅新育, 2010; 吴定保, 1998; 吴志成, 杨娜, 2012; 夏路, 2006; 俞可平,

2000; 张卫华, 2007; 张小明, 2006; 张云, 2019], и это свидетельствует об их несомненной актуальности. Мы постарались обосновать, что хотя традиционная концепция и логика международного управления, то есть именно постгегемонистское институциональное управление в анархических международных обществах, может играть определенную роль в современную эпоху, но по мере того, как международная политика принимает социальный оборот и развивается дальше, логика управления, представленная культурным управлением, начинает входить в современную международную повестку дня и постепенно перемещается ближе к центру системы международного управления. В это время особенно важен новый региональный порядок «управления на основе ритуала», в котором идея “礼尚往来” (lǐshàngwǎnglái) является основой моделью регионального управления. В первой части исследования мы рассмотрели основные этапы эволюции регионального управления в Восточной Азии и выявили основные аспекты нового порядка регионального управления в контексте региональной культурной политики. Во второй части нашего исследования мы рассмотрим новые модели регионального культурного управления, принципы регионального порядка в новых международных отношениях на основании концепции “礼尚往来” (lǐshàngwǎnglái) и продолжим изу-

чение китайской парадигмы регионального управления.

**Модели культурного
управления и концепция
«нового ритуального порядка»**

Региональное культурное управление – это динамичный и развивающийся процесс. Этот динамичный процесс социализации возглавляется «ядерными странами», движется «узловыми странами» и постепенно распространяется на других участников, но это не всё содержание регионального культурного управления. Это связано с тем, что между различными субъектами управления могут возникать задержки из-за когнитивного несоответствия, когнитивного диссонанса и информационной асимметрии. Это требует двустороннего и многостороннего взаимодействия между различными субъектами для формирования надежных общих ожиданий по вопросам управления в регионе посредством гуманистических обменов и исторических воспоминаний, то есть интересубъективности, а также для содействия созданию платформы для совместного обсуждения вопросов различными субъектами с целью интеграции регионального культурного управления в институциональное русло.

а) Ядерные страны

Ядерные страны в региональном культурном управлении – это место рождения общей культуры в рамках определенной географически соседней цивилизации с похожими

культурными генами, как, например, Китай в конфуцианском культурном круге в Восточной Азии, который является ядерной страной в этом регионе. Ядерная страна в региональном культурном управлении – это, так сказать, доминирующее государство в культурной сфере в определенном регионе. Конечно, доминирующим или стержневым государством в данном контексте является не только то, которое имеет политическую или экономическую структуру власти, но и то, которое имеет абсолютное преимущество в военной мощи. Другими словами, ядерная страна в данной культурной сфере имеет тенденцию больше фокусироваться на внешней привлекательности и распространении собственной культуры актора. В силу этого эффекта культурного перелива ядерная страна формирует «центр культурного престижа» в своей культурной сфере. Через этот центр она продолжает распространять свое культурное влияние на окружающий регион. Каковы характеристики ядерной страны, являющейся внутренним стержнем регионального культурного управления? Или каковы критерии для того, чтобы стать ядерной страной? Для того чтобы быть ядерной страной в региональном культурном управлении, она должна обладать культурным престижем и лидерством, и её история должна быть связана с историей соседей. Если бы существовали квалификационные критерии

для ядерной страны, то в можно констатировать, что она должна обладать следующими качествами. Во-первых, культура обладает привлекательностью и притягательностью. Это похоже на концепцию мягкой силы, но в корне отличается от нее. Если мягкая сила – это инструмент, с помощью которого субъект реализует свои собственные интересы, то культурная привлекательность и притягательность не обязательно должна служить национальным интересам, но может быть и чистым побочным эффектом. Во-вторых, культура должна обладать способностью к распространению и воздействию. Это в основном означает, что ядерная страна должна не только иметь культурную модель, способную привлечь другие страны к активному изучению и подражанию, но и продвигать свою собственную культуру на периферию. Это, конечно, в корне отличается от принудительного культурного экспорта культурного империализма. Наконец, как ядерная страна, она может сохранить себя даже в условиях влияния других культур на свою собственную культуру. Другими словами, чтобы быть ядерной страной, государство должно быть способно представить свою собственную культуру внешнему миру и привлечь других на основе своей способности сохранять собственное культурное выживание. Разумеется, все вышесказанное – лишь краткое резюме критериев ядерной страны.

Региональное культурное управление требует лидерства и престижа ядерной страны, но она также требует поддержки и участия узловых государств.

б) Узловые страны

Они отличаются от ядерных стран одним и только одним параметром, а именно тем, что по количеству стран узла это может быть больше, чем одна страна. Конечно, вряд ли можно утверждать, что больше – значит лучше. Давайте сначала рассмотрим узловые страны и их роль. *Узловые страны – это группы стран, где существует две или более страны в их культурном регионе, которых привлекает и вдохновляет культурный престиж ядерной страны и которые сознательно учатся и подражают культурным образцам ядерной страны.* Изучая и усваивая передовые культурные концепции и практики ядерных стран, они продвигают эту новую культуру, усвоенную местной национальной культурой, чтобы другие страны региона могли учиться и подражать ей. Здесь, конечно, возникает вопрос: может ли произойти совпадение и идентичность между странами ядра и узла? Ответ на этот вопрос безусловный. Поскольку страны-ядра могут пересекаться со странами-узлами в плане идентичности, в чем разница между ними? Можно утверждать, что ядерная страна должна быть одной из узловых стран, но узловая страна не обязательно должна быть ядерной страной. На самом деле, термин

узловая страна не является незнакомым и не является оригинальным для автора. Это понятие упоминается в документе «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути 21-го века» [Государственный Совет КНР, 2015], который был опубликован Китаем в 2015 году. Здесь мы используем термин узловые страны, в основном в культурном смысле. Какую роль узловые страны могут играть в региональном культурном управлении? Или какое место они занимают? Как кластер стран в региональном культурном управлении, узловые страны могут играть роль, которую не могут играть или не способны играть ядерные страны в силу определенных соображений. Во-первых, как мост между ядерными странами и другими субъектами, узловые страны могут продолжать расширять культурный охват ядерной страны вовне; во-вторых, узловые страны могут заменить ядерную страну в её отсутствие и выполнять ее функции; и, наконец, как средство коммуникации между ядерными странами и внешним миром, узловые страны могут предоставить ценную информацию ядерной стране в случае информационной асимметрии между ядерной страной и внешним миром. Что касается характеристик узловых стран, то в данной работе рассматриваются следующие основные аспекты. Во-первых, с географической

точки зрения, узловые страны должны быть примерно однородно распределены вокруг ядерной страны, а не линейно расположены в определенном направлении от ядерной страны. Это, конечно, не означает, что определенное однородное распределение должно быть искусственно создано. Просто культурный престиж ядерной страны будет снижен, если узлы будут определены чисто линейным расположением. Во-вторых, с точки зрения функциональных механизмов, узловая страна должна быть способна выполнять некоторые или все функции ядерной страны в её отсутствие. Именно по этой причине ядерные страны могут пересекаться с узловыми странами. Это происходит, потому что в некоторых географических регионах фактически существует не одна абсолютная ядерная страна, а множество узловых стран, каждая из которых не обладает элементами, необходимыми для того, чтобы быть ядерной страной, как, например, в Европейском регионе. В-третьих, узловая страна должна быть способна играть балансирующую роль между ядерными странами и другими субъектами. Хотя ядерные страны не полагаются на политическую власть для культурного управления в рассматриваемом регионе, им все равно нужны узловые страны с достаточной властью, чтобы действовать в качестве стабилизирующего противовеса в критической ситуации.

Региональный порядок в новых международных отношениях на основании концепции “礼尚往来” (lǐshàngwǎnglái)

Китай – всемирно известная страна с давними и богатыми традициями этикета. Цивилизация ритуала и музыки является синонимом китайской цивилизации, которую можно описать так: «ритуалы упорядочивают вселенную, а музыка гармонизирует небо и землю (礼序乾坤, 乐和天地)». Понятие “礼尚往来” (lǐshàngwǎnglái), своего рода китайская идиома, буквально переводится как «отвечать на любезность следует любезностью», «в вежливости (этикете) ценится взаимность», это понятие как нельзя более точно определяет сущность нового регионального управления. Дух и смысл «взаимного этикета» имеет три основных значения: во-первых, это принцип справедливого и разумного баланса в отдаче и получении; во-вторых, он требует равенства во взаимодействии между собой и другими; в-третьих, он декларирует взаимное уважение между двумя сторонами. Эти три значения в конечном итоге указывают на идеализированный социальный порядок, который является универсальным, прочным и гармоничным.

После вступления в XXI век, особенно в эпоху переплетения глобальных перемен и эпидемий, концепция “lǐshàngwǎnglái” во внешней стратегической схеме Китая развивалась как единое целое, постепенно реализуя органическое сочетание

образа мышления, форм выражения и способов поведения в ходе преемственности и развития, со стремлением к всеохватности, открытости и прогрессу, что является главной темой, которая отражается во многих аспектах внешних отношений, включая политику, безопасность, экономику и культуру. Что касается регионального управления, то идея регионального управления в условиях «нового ритуального порядка» может быть отражена в международном региональном порядке вежливости и взаимности, который в основном отражается в следующих трех характеристиках.

а) Форма регионального управления требует большего внимания к коммуникации.

“Lǐshàngwǎnglái” – это не выдача желаемого за действительное. Здоровое взаимодействие между странами должно основываться на взаимном уважении и равноправном контакте, поддержании стабильных обменов и тесного общения, для обмена идеями и укрепления взаимного доверия. Используя такие социальные элементы и связующие узлы международной системы, как отношения и процессы, можно сформировать новые международные нормы, культивировать национальные чувства и укреплять национальную идентичность.

б) Необходимо обеспечивать расширение содержания регионального управления.

«Lǐshàngwǎnglái» – это не обмен равными и не ситуация «побе-

да-поражение». Речь идет не только о решительной борьбе, но и о сотрудничестве друг с другом и активной помощи. Такая форма взаимодействия – это не самопомощь и борьба, на которые указывает западный взгляд на природу политических конфликтов, а взаимопомощь и вежливость, на которые опирается китайский взгляд на гармоничный порядок. Увеличение свободы действий в международном взаимодействии добавляет ресурсы для мирового прогресса и развития всех стран, что позволяет лучше достичь взаимной выгоды и беспроегрышных ситуаций между странами и постепенного улучшения глобального управления.

в) Цели регионального управления по продвижению космополитизма.

Концепция “lìshàngwǎnglái” заключается не в том, чтобы всем быть на одной стороне, и не в том, чтобы ополчиться друг на друга. Страны и цивилизации должны быть открыты и терпимы друг к другу, и делать больше для блага других, чем для зла. В частности, ведущие страны должны искать точки соприкосновения, сохраняя за собой различия, и вести другие страны к активной и справедливой защите общих интересов человечества, решению общих глобальных проблем и работе по созданию единого сообщества человеческой судьбы.

Исходя из этого, мы можем продолжить изучение китайской пара-

дигмы регионального управления с точки зрения интеграции диалектического, реляционного, органического и интернализованного мышления, которое в основном включает *три способа применения*: «игры» в политическом процессе, междоменное взаимодействие и цивилизационный симбиоз, проявляющиеся в новую эпоху как инновационные типы управления, такие как партнерское управление, контрсанкции, совместное противоэпидемическое управление, цивилизационное управление и управление между людьми, демонстрирующие единство знаний и действий концепций глобального и регионального управления, внешнего дискурса и регионального порядка.

Концепция “lìshàngwǎnglái” не только находится в диалоге с основными концепциями во всех областях современных международных отношений, но и выходит за рамки ценностей китайской цивилизации в силу своей уникальной мудрости. Китайская концепция “lìshàngwǎnglái” является важной идеологической основой для построения сообщества человеческой судьбы, поскольку она способствует установлению нового типа международных отношений и более широкого взаимодействия между народами.

Заключение

Как логический выбор для нового типа глобального управления, региональное культурное управле-

ние является незападным решением кризиса управления и дефицита управления, с которым сталкиваются традиционное западное силовое управление и постгегемонистское управление. В то же время китайский «новый ритуальный порядок» в рамках этой идеи управления является традиционной китайской идеей международного регионального управления с китайской спецификой. Логика этого нового глобального управления проявляется на уровне регионального управления, где социальные факторы, обусловленные культурой, начинают включаться в повестку дня исследований. В основном это связано с тем, что социальные факторы, представленные культурой, не только дают новую мудрость для преодоления нынешнего кризиса глобального управления и дефицита управления. Это означает, что западная капиталистическая цивилизация не является единственным вариантом человеческой цивилизации, что западный путь и модель развития не являются единственно правильными, и что существуют различия в пути и философии модернизации, обусловленные различными культурными традициями. Культура, как ресурс мягкой силы, является очень ценным фактором как в глобальном, так и в региональном управлении. В то же время мышление древнекитайских мудрецов как философское руководство общественной деятельностью, требует, чтобы социальные

факторы выступали как переменные величины средств, а не целей. В целом, региональное культурное управление, как субполе глобального управления, перестраивает систему международного управления в соответствии с другой логикой и распространяет первые результаты, которых оно достигло, на другие области международного управления. Порядок «нового ритуального управления», пионером которого в это время стал Китай, распространился на соседние страны и регионы, формируя уникальную восточноазиатскую культурную сферу и создавая новый ритуальный порядок регионального управления. Конечно, в процессе развития регионального культурного управления предложенная нами концепция управления будет время от времени подвергаться сомнению со стороны властных структур и других факторов, а также сталкиваться с ограничениями и сбоями, вызванными различными причинами. Использование культуры в качестве интегральной составляющей логики управления и «нового ритуального порядка» в качестве тональности регионального порядка управления может только дать идею для будущего регионального управления. Таким образом, применение регионального культурного управления и «нового ритуального порядка» в региональном управлении все еще является темой как в высшей степени актуальной и востребованной, так и крайне

сложной, и данная статья является лишь предварительным исследованием, намечающим перспективы дальнейшего изучения в будущем.

Библиографический список

1. Государственный Совет КНР: «Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и «Морского Шелкового пути XXI», 28-3-2015. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35519/Document/1535279/1535279.html>. (Дата обращения: 10.06.2023).
2. 白云真, 贾启辰. 新功能主义视域下的东亚区域治理[J]. 太平洋学报, 2013,21(02):35-42.
3. 陈康令. 试析传统东亚秩序“礼治下的和平”[J]. 国际观察, 2015,(04):73-86.
4. 国家发展改革委 外交部 商务部. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动 [E/R]. 2015.3.29. <http://politics.people.com.cn/n/2015/0329/c1001-26765454.html>(2022.7.13.)
5. 郭延军. 美国与东亚安全的区域治理——基于公共物品外部性理论的分析[J]. 世界经济与政治, 2010,(07):36-50+156.
6. 郇庆治. 全球环境治理与东亚区域环境合作 [J]. 复旦国际关系评论, 2007,(00):100-115.
7. 李博一. 国际治理中的区域文化治理:概念界定与比较分析[J]. 国别和区域研究, 2020,5(03):120-149+170.
8. 李丹,董琴. 全球经济治理体系改革的东亚方案与中国作用[J]. 国际经贸探索, 2021,37(11):101-112.
9. 刘琳. 峰会之后, 美日印澳四国机制在忙什么[J]. 世界知识, 2021,(10):23-25.
10. 刘卿. 东亚非传统安全: 多边合作与制度建设[J]. 国际问题论坛, 2007(夏季号):27-29.
11. 卢国学. APEC 安全议题与当前区域安全合作[J]. 亚非纵横, 2007,(04):30-36.
12. 梅新育. 中国—东盟自贸区考验中国世界治理能力[J]. 中国物流与采购, 2010,(02):32.
13. 吴定保. 讨论金融危机对策 《马尼拉框架》会议在马来西亚举行[R]. 人民日报, 1998.11.10.(7).
14. 吴志成,杨娜. 全球治理的东亚视角[J]. 国外理论动态, 2012,(10):17-23.
15. 夏路. 从“多重权力概念”看东亚区域治理[J]. 东南学术, 2006,(01):65-71.
16. 俞可平. 治理与善治[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2000.
17. 张卫华. 亚洲货币基金组织何时诞生?[J]. 经济, 2007,(08):10-12.
18. 张小明. 中国与周边国家关系的历史演变:模式与过程[J]. 国际政治研究, 2006,(01):57-71.
19. 张云. 国际关系中的区域治理:理论建构与比较分析[J]. 中国社会科学, 2019,(07):186-203+208.

Reference list

1. Gosudarstvennyj Sovet KNR: «Videnie i dejstvie, napravlennye na prodvizhenie sovmestnogo stroitel'stva “Jekonomicheskogo pojasa Shelkovogo puti” i «Morskogo Regional'noe upravlenie v Vostochnoj Azii v usloviyah «novego ritual'nogo porjadka» (新礼治秩序). Часть 2

Shelkovogo puti XXI» = The PRC State Council: “Perspective and action to promote the joint construction of the Silk Road Economic Belt and the Maritime Silk Road XXI”, 28-3-2015. URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35519/Document/1535279/1535279.html>. (Data obrashhenija: 10.06.2023).

2. 白云真, 贾启辰. 新功能主义视域下的东亚区域治理[J]. 太平洋学报, 2013, 21(02): 35-42.
3. 陈康令. 试析传统东亚秩序“礼治下的和平”[J]. 国际观察, 2015, (04): 73-86.
4. 国家发展改革委 外交部 商务部. 推动共建丝绸之路经济带和 21 世纪海上丝绸之路的愿景与行动 [E/R]. 2015.3.29. <http://politics.people.com.cn/n/2015/0329/c1001-26765454.html>(2022.7.13.)
5. 郭延军. 美国与东亚安全的区域治理——基于公共物品外部性理论的分析[J]. 世界经济与政治, 2010, (07): 36-50+156.
6. 郇庆治. 全球环境治理与东亚区域环境合作[J]. 复旦国际关系评论, 2007, (00): 100-115.
7. 李博一. 国际治理中的区域文化治理: 概念界定与比较分析[J]. 国别和区域研究, 2020, 5(03): 120-149+170.
8. 李丹, 董琴. 全球经济治理体系改革的东亚方案与中国作用[J]. 国际经贸探索, 2021, 37(11): 101-112.
9. 刘琳. 峰会之后, 美日印澳四国机制在忙什么[J]. 世界知识, 2021, (10): 23-25.
10. 刘卿. 东亚非传统安全: 多边合作与制度建设[J]. 国际问题论坛, 2007(夏季号): 27-29.
11. 卢国学. APEC 安全议题与当前区域安全合作[J]. 亚非纵横, 2007, (04): 30-36.
12. 梅新育. 中国—东盟自贸区考验中国世界治理能力[J]. 中国物流与采购, 2010, (02): 32.
13. 吴定保. 讨论金融危机对策 《马尼拉框架》会议在马来西亚举行[R]. 人民日报, 1998.11.10.(7).
14. 吴志成, 杨娜. 全球治理的东亚视角[J]. 国外理论动态, 2012, (10): 17-23.
15. 夏路. 从“多重权力概念”看东亚区域治理[J]. 东南学术, 2006, (01): 65-71.
16. 俞可平. 治理与善治[M]. 北京: 社会科学文献出版社, 2000.
17. 张卫华. 亚洲货币基金组织何时诞生?[J]. 经济, 2007, (08): 10-12.
18. 张小明. 中国与周边国家关系的历史演变: 模式与过程[J]. 国际政治研究, 2006, (01): 57-71.
19. 张云. 国际关系中的区域治理: 理论建构与比较分析[J]. 中国社会科学, 2019, (07): 186-203+208.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 28.02.2023.

The article was submitted on 28.03.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication on 26.05.2023